

"Кушина и Джирайя здесь заново отковали его печать", - объяснил Хирузен, быстро развеяв беспокойство повелителя. "Это будет необсуждаемый вопрос, который мы поднимем на собрании. Это сработает как надлежащее сдерживание Ичиби. Кроме того, Наруто-кун сумел уговорить молодого Гаару отступить после поражения. Мы постоянно следим за ним, но мальчику не хватает того убийственного намерения, которое он так рьяно демонстрировал раньше".

При этом даймё удивленно поднял голову: "Правда? О боже, - он отложил папку, - в его словах столько силы для такого юного" Он снова схватил свой веер и развернул его, передавая папку одному из телохранителей своей дочери. "Вы должны гордиться, Кушина-сан, этот мальчик действительно сын своего отца".

Улыбка появилась на губах Узумаки: "Больше, чем я мог надеяться, Акиха-сама".

"Я также слышал, что парень пробудил предел родословной".

"Да." Кушина кивнула; "Шотон. Но, насколько я помню, это первый раз, когда подобное проявилось в Узумаки".

Акиха на мгновение задумался: "Как-нибудь я хотел бы поговорить с вашим сыном. Поблагодарить его за защиту деревни". Рыжеволосая кивнула: "Теперь к более грязному делу. Орочимару и его Отогакуре... Похоже, прошлое вернулось, чтобы преследовать нас".

"Да." Хирузен мрачно ответил: "К сожалению, те несколько пленных Ото, которых мы захватили, не предоставили информацию о своем лидере и группе. На следующем допросе будет Яманака, и наш главный специалист убедится, что мы знаем, чем занимается предатель."

"Мне сообщили, что он дошел до того, что осквернил могилы Сёдая, Нидайме и даже Дайсуке этим неприглядным дзюцу оживления". В голосе даймё звучало отвращение.

Кушина прикусила губу, но промолчала, тогда Джирайя заговорил: "Мы запечатали всех троих и освободим их, чтобы они снова могли отдохнуть".

"Но больше всего меня беспокоит то, что мы не знаем, как часто он может использовать эту технику, и какие слабые места мы можем использовать".

"Я поручил своим исследовательским группам изучить Запретный свиток, чтобы исследовать Эдо Тенсей", - сказал Хирузен, - "Посмотрим, смогут ли они обнаружить что-нибудь, что даст нам преимущество для нейтрализации этой техники".

"Понятно", - просто сказал их господин, вздохнув. "Думаю, все, что мы можем сделать сейчас, это ждать и готовиться".

"Действительно", - согласился Хирузен, - "Теперь, если нет других дел, мы приготовили ваши покои для вашего пребывания, Акиха-сама".

"Через минуту" Даймё встал со своего места, выражение его лица было тщательно охраняемым. "Я хотел бы, чтобы вы покинули комнату, есть кое-что, что я хотел бы обсудить с моей дочерью наедине".

Принцесса обменялась обеспокоенным взглядом со своими телохранителями и друзьями, она знала, что эта лекция состоится, и ничего не могла с этим поделать. Но, возможно, она могла бы использовать этот шанс, поговорить с отцом о своих идеях, о том, как система шиноби не должна больше функционировать таким образом.

"Хокаге и его коллеги-ниндзя поклонились, один за другим покидая комнату.

Намика молча пожелала удачи, когда она и ее брат ушли вместе с остальными, звук закрывающейся двери прозвучал в тишине.

Майюри просто стояла перед отцом, который потирал уставшие глаза и настороженно качал головой. "Ты хоть представляешь, как я волновался?"

Принцесса склонила голову в раскаянии: "Прости меня, отец".

"Тот факт, что ты зашла так далеко, чтобы тайком покинуть дворец, заставил меня подумать, что, возможно, тебе следует уделить немного времени, но я не хотел привлекать к тебе еще больше внимания, поэтому позволил тебе думать, что твоя попытка удалась", - его строгий взгляд встретился с ее опущенными глазами. "Но как только я услышал, что ты присоединилась к произошедшей битве... О чем ты думала?!" Он направил на нее свой сложенный веер.

"Я пыталась защитить свой народ!"

"Твой долг - однажды возглавить этот народ", - ответил Акиха, его голос был непоколебим. "И все же ты рисковала своей жизнью, и... И...!" Гнев в его голосе утих, сменившись отцовской заботой: "Даже если бы битва закончилась, одна мысль о том, что ты пострадала..."

Майюри ничего не сказала.

Ахика вздохнул про себя, прошелся по комнате, пока не встал перед окнами, глядя на деревню. "Однажды я потерял твою мать на войне; я не потеряю и тебя".

"...Война, которая унесла жизнь матери", - проговорила принцесса, страсть нарастала в ее словах с каждой секундой. "Та же война, что пришла в Коноху, та, которую так долго вели Скрытые Деревни, это болезнь, которая так долго мучила наши народы" Ее отец обернулся и

удивленно посмотрел на нее: "Отец, разве ты не видишь? Мы позволяем этому кровопролитию продолжаться, используя шиноби так, как мы это делаем. Мы называем это миром, но этот статус-кво - не что иное, как интервал конфликтов, которые истощают кровь нашей нации. Мы не можем продолжать в том же духе". Она провела рукой по воздуху в яростном жесте, решимость сияла в ее зеленых глазах. "Я не позволю этому продолжаться".

Даймё лишь растерянно смотрел на нее. "О чем ты говоришь?"

"Я хочу все изменить, - сказала она, положив руку на грудь, - я хочу изменить систему шиноби, чтобы принести истинный мир и процветание народам. Чтобы мы больше не зависели от денег крови, чтобы нам больше не приходилось посылать детей становиться солдатами".

Даймё молчал, казалось, целую вечность. И Майюри почувствовала, как в ее сердце расцветает надежда, что ее отец видит правду ее слов, что мы видим то же, что и она. Что все это кровопролитие было всего лишь фразой...

"И как ты собираешься этого добиться?"

Она растерянно моргнула, ошеломленная его вопросом. "А?"

"Как", - он говорил с удивительной откровенностью, что сильно контрастировало с его обычной непринужденностью, - "ты надеешься достичь этого твоего "идеала"?"

"Н-ну", - заикаясь, пролепетала она под пронзительным взглядом отца. "Я бы объединила народы; я бы сделала так, чтобы нам не нужно было..."

"И как же тогда будет работать это твое "единство"?" Он шагнул вперед. "Как ты сможешь заставить людей, которые сражались на протяжении многих поколений, прислушаться к тебе? Что ты можешь предложить им такого, чего они не взяли бы для себя? Зачем им вообще слушать тебя, если у тебя нет ничего, кроме красивых идеалов и мечтаний?"

Майюри молчала, ее твердая вера быстро колебалась перед словами отца. Действительно, ее решимость, когда-то крепкая, как сталь, теперь казалась слабой, как хрупкое железо.

Она просто хотела, чтобы у всех было лучшее будущее, чтобы, возможно, когда они увидят, чего можно достичь, сложив оружие, тогда...

"Нет, есть только один язык, который понимает народ Гогью-коку. Если ты хочешь, чтобы твои идеалы воспринимались всерьез, то тебе нужна сила, чтобы воплотить их в жизнь", - его голос упал в громкости, - "А это означает войну".

"Нет!" Майюри отчаянно отбивалась: "Это противоположно тому, чего я хочу!"

"Однажды был человек, который утверждал, что борется за единство. Его кампания была долгой и жестокой, и в конце концов все те, кто когда-то верил ему, либо отвернулись от его пути, либо просто продолжали следовать за ним из страха... Этим человеком был Ханзо из Амэ".

Принцесса тихонько задыхалась, глаза слезились. Мысль о том, что отец сравнивает ее видение с тем, что принес этот ужасный человек...

"Ты говоришь, что хочешь что-то изменить, но ты не можешь ничего изменить, если не хочешь бороться за это, а это значит делать то самое, что ты хочешь стереть", - он разочарованно покачал головой.

"Но... Но..." Она заставила себя не плакать. "Если ничего не изменится, то..."

"Ничего не нужно менять, - сказал Акиха, - эта система существовала на протяжении многих поколений, потому что она работает, потому что она остановила народы от гораздо большего кровопролития, чем могло бы принести любое из сражений в Скрытых деревнях. Такого кровопролития, к которому привела бы ты, пытаясь достичь своего желания".

Принцесса просто стояла молча, ее идеалы были разрушены жестокой рукой реальности.

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1768435>